

ПОЭТИКА МИНИМАЛИЗМА: ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ И СРАВНЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ОСЕТИНСКОЙ НАРОДНОЙ АФОРИСТИКИ

З. Б. Цаллагова

Поэтико-семантическую структуру различных жанров осетинской народной афористики формируют поэтические тропы, среди которых наряду с метафорой и эпитетом особое место занимают олицетворение и сравнение. Названные средства создания образности несут не только орнаментальные, украшающие, но и структурирующие смысловые функции: такая амбивалентность художественных тропов предопределена своеобразием поэтической природы народных афоризмов, художественной эстетикой минимальных фольклорных форм, нацеленных на то, чтобы вложить глубокий смысл в лаконично оформленную фразу. Сравнительно-сопоставительный анализ олицетворения и сравнения в различных видах осетинской народной афористики выявляет, что в эти поэтические фигуры полностью укладывается весь состав афористического высказывания, содержащего назидательные предписания и предостережения, описание различных социальных и природных явлений, а также качеств и характеристик предметов, людей, животных. Идиоматика таких высказываний, обуславливающая трудность восприятия их людьми иноэтничной культуры и перевода на другие языки, базируется на смысловых ключах и символических образах осетинской культурной традиции. Последние являют собой некий культурный код, позволяющий людям данного этноса «отмыкать» вход в матрицу традиционного наследия. А специальное лингвострановедческое изучение данного фольклорного пласта вкупе с рассмотрением иноэтничных афористических аналогий дает не только представление о характере национально особенных афористических образов, но и методологическую возможность постичь глубинные смыслы осетинского языка и культуры представителями других языков и культур.

Ключевые слова: афоризм, пословица, поговорка, клятва, загадка, благопожелание, проклятие, олицетворение, сравнение.

Анализ структурно-поэтической взаимосвязи поэтики различных жанров фольклора, их сравнительно-сопоставительное рассмотрение позволяет выявить поэтические особенности внутрижанровой специфики произведений устного народно-поэтического творчества, которые проявляются в особенностях лексики, синтаксиса, различного рода тропах и фигурах. Такое исследование наглядно и доказательно демонстрирует, что поэтические приемы специфичны и в неодинаковой мере употребительны в разных жанрах фольклора, разнятся и их идейно-художественные функции [1, 105-108; 2, 9-12]. Поэтому целесообразно

подходить к изучению поэтического стиля осетинской народной афористики, рассматривая ее как своеобразную цельную систему, идейно-художественная изобразительность и выразительность которой обеспечивается совокупностью поэтических средств. Ритмическая структура, особенности синтаксического построения предложения, поэтические фигуры здесь нацелены на создание афористического стиля, отличающегося композиционной сжатостью, глубиной смысла и художественно-выразительной завершенностью.

Лаконичную форму осетинских народных афоризмов, отточенную мно-

говековой речевой практикой народа, создают художественно-выразительные средства, жанровое своеобразие которых вытекает из специфики малой фольклорной формы [2, 8-9; 3, 16-21]. Здесь, в отличие от других народно-поэтических форм, такие общефольклорные художественные средства, как сравнение и олицетворение, создавая поэтическую выразительность, формируют структуру высказывания: афоризмы полностью укладываются в рамки поэтических фигур [4, 6-7; 5, 79-84; 6, 85-90].

Вместе с тем, существует и внутривидовая специфика создания образности: сравнительно-сопоставительный анализ свидетельствует, что даже если разные жанры афористики пользуются одними и теми же тропами, фигурами, образами, то все-таки применение каждого из них подчинено характеру поэтики каждого конкретного афористического подвида, что достаточно четко иллюстрируется сквозной внутриафористической (подсистемной) ретроспективой средств художественной выразительности [7, 107-112; 8, 79-83].

Весьма специфично использование такого приема художественной образности осетинской народной афористики, как олицетворение (или прозопопея), которое предполагает наделение животных или неодушевленных предметов человеческим обликом, речью, чувствами, мыслями. К нему одинаково охотно прибегают все жанры, но чаще всего оно используется в загадках [9, 83-88; 10; 11; 12]. Олицетворение позволяет создать необычные, яркие, парадоксальные образы в загадке [13, 183]. Так, например, тающая сосулька (капель) здесь ассоциируется с плачущей невесткой: «*На кьолисæр кæугæ киндзæ*». (*Тæдзунæг*). — «За нашим очагом плачущая невестка». (Капель, тающие сосульки).

Олицетворение в загадках, оживляя предметный мир, старается максималь-

но приблизить его к человеку, «оживить» предметный мир загадываемых предметов помогают и имена собственные: «*Асиатыл авд кæрцы*». (*Хъæдындз*). — «На Асиат семь шуб». (Луковица); «*Уырызмæгыл фондзыссæдз хæдоны*». (*Къабуска*). — «На Урузмаге сто рубашек». (Капуста). Уподобление предмета и человека происходит в загадках и посредством прямых ассоциаций: треножный стол уподобляется трем братьям с одной войлочной шляпой, сноп сравнивается с тысячей братьев, имеющих один пояс.

Часто в загадках предметы наделяются человеческими качествами и способностями: «*Нæ чысыл дада хос кæрды*». (*Сæрдасæн*). — «Наш маленький дед сено косит». (Бритва); «*Даргъ лæджы цыбыр лæг йæ быны акодта*». (*Фæрæт*). — «Высокого человека низкий человек под себя повалил». (Топор и дерево); «*Нæ фæсдуар лæугæ чындз*». (*Цъылын*). — «За нашей дверью стоящая невестка». (Веник).

Предметы наделяются также человеческими чувствами, мыслями, речью: «*Иу мæ сæр, мæ сæр кæны, иннæ та — мæ астæу, мæ астæу*». (*Цæджындз æмæ аххæраг*). — «Один жалуется: голова моя, голова моя, а другой: поясница моя, поясница моя». (Столб и перекладина). Еще один пример аналогичного построения загадки: «*Къæдзтæ-мæдзтæ кумæ цауис? Къæдзæл, мудзул, нæ мæ уадзис?*». (*Хъуæца æма рæхис*). — «Извиваясь, куда идешь? Закрученная и свитая, не пускаешь меня?». (Дым и цепь (надочажная)). Данные загадки были зафиксированы на осетинской почве уже первыми собирателями и издателями осетинских загадок академиками В. С. Миллером (дигорский вариант загадки) и А. А. Шифнером (иронский вариант загадки).

В загадках олицетворяющие человеческие качества приписываются также растениям, животным, природному ландшафту, явлениям природы и временам года: «*Нæ хæдзары астæу æлдары мард*».

лагает за каждым словом загадки иносказание, намек («Сау хъуджы бын бур род». (Аджы бын арт). — «Под черной коровой желтый теленок». (Под котлом пламя), то отсутствие такового тоже затрудняет путь к отгадке.

Самые частые в загадке образы-одухотворения — домашние животные: собака (замок, черемша, жернов мельницы, серп, трава), бык (язык, палец, свекла, груша, иголка, день, ночь, огонь, масло), корова (котел, огонь, шиповник), курица (картофель, день, ночь).

Один и тот же образ-одухотворение в разных загадках может обозначать несколько разных предметов:

1. «Иу гал мын ис, амае кам схуыссы, уым кæрдæг нал æрзайы». (Арт). — «Один бык у меня есть, и где он ляжет, там трава уже не вырастает». (Огонь).

2. «Не'скъæты бур гал». (Царв). — «В нашем хлеву желтый бык». (Масло).

3. «Нæ æнахуыр гал дон нуазы». (Дурын). — «Наш странный бык воду пьет». (Кувшин).

4. «Гал скъæтмæ тардтон, йæ думæг ба мае къохи раизадæй». (Кæрдту). — «Быка в хлеб загонял, его хвост в моей руке остался». (Груша).

5. «Дæлдзæхæй нæ сырх гал йе'взæгтæ суагъта». (Цæхæра). — «Из подземелья наш красный бык свои языки выпустил». (Свекла).

6. «Сау гал бацæуы амае сæ амары, урс гал бацæуы амае сæ райгас кæны». (Æхсæв амае бон). — «Черный бык заходит и убивает их, белый бык заходит и оживляет их». (Ночь и день).

7. «Не'скъæты сырх гал баст». (Æвзаг дзыхы). — «В нашем хлеву красный бык привязан». (Язык во рту).

8. «Фондз галы урс быдыры хуым кæныны, сау мыггаг тауыны». (Æнгуылдзтæ, гæххæтт). — «Пять быков пашут на белом поле, сеют черное семя». (Пальцы, бумага).

9. «Æфсæн галæн бæмбæг къæдзил».

(Судзин). — «У железного быка ватный хвост». (Иголка).

Приведенные примеры загадок иллюстрируют, как посредством одного образа одухотворения (гал — бык) могут быть загаданы девять различных понятий. Перечислительный ряд загадок наглядно демонстрируют и то, что в каждой из них образ одухотворения сочетается с иными средствами художественного изображения: эпитетом (бур — 'желтый', №2, сырх — 'красный', №5, сау — 'черный', №6, урс — 'белый', №6, æфсæн — 'железный', №9); метафорой (№1, 3, 4, 5, 6, 8); антитезой (№6). Именно они и составляют «дополнительную», «подсказывающую» часть загадки при постоянном образе одухотворения и, отмечая в каждом из предметов одухотворения его существенные черты, ведут к отгадке: каждый раз упомянутый образ предстает в новом качестве: бык то желтый, то черный, то красный, то белый; то он пьет воду, то обладает удивительным свойством: там, где он ложится, больше не вырастает трава, и т.д.

Пословично-поговорочному жанру прием одухотворения чужд; в редких случаях предметы могут одухотворяться в предложениях со сравнительной конструкцией: «Сидзæры тæригъæдæй сау хъæды бæлæстæ галау уасыны». — «От жалости к сироте в черном лесу деревья мычат как быки».

В пословицах предметы домашнего обихода, орудия труда, животные, растения как правило олицетворяются: «Хорз фæрæт хъæддзауæн æмбал». — «Хороший топор — леснику товарищ». Прием олицетворения животных особенно часто встречается в осетинских веллеризмах: «Цæргæс загъта: "Хуарз лаг мае нæ фехсдзæнæй, æдули ба мае нæ раргъæвдзæнæй"». — «Орел сказал: "Хороший человек в меня стрелять не будет, а дурак не попадет"»; «Гоппойцъеу дæр уотæ: "Цæуæн ама хуцауæй гъос радавон"». —

«Жаворонок тоже хвастался: “Пойду и украду у бога ухо”»; «Саг йæ родæн афтæ загъта: “Æз адæмæн сæ уындмæ бæллын, уыдон та мæ топпæй æхсынц”». — «Олениха своему олененку так сказала: “Я стремлюсь на людей посмотреть, а они в меня стреляют”».

Специфической особенностью анализируемого приема в пословичном народном творчестве является его сопряженность с аллегорией [13, 16]; афористические изречения, олицетворяя конкретные и отчетливо представляемые образы, вкладывают в них глубокие иносказания и идеи, понимание человеком справедливости, зла и добра, ряда других нравственных ценностей: «Куырис сыгъдис æмæ йыл бæттæн худтис». — «Сноп загорелся, а веревка над ним смеялась»; «Æфсондз бæрзæйы æлгъыста, бæрзæй æфсондзы». — «Ярмо проклинали шею, шея — ярмо»; «Сындз йæ туг уайтагъдисы». — «Колочка за свою кровь мстит сразу же». Олицетворяемые предметы и явления в пословицах иносказательно, с помощью системы намеков, уподобляют одно явление другому и этим расширяют эмоциональность, масштабы и глубину транслируемой идеи: «Загæлæн дзæбуг ызнаг у: æдзух ын йæ сæр хойы». — «Молоток гвоздю враг: все время его по голове бьет». Таким образом, аллегоричность пословично-поговорочных образов-олицетворений помогает ярче выразить соответствующие этому образу характеристики: «Зулкъ уаллоныл æлгъ кодта». — «Червь брезгал дождевым червем»; «Зулкъ æлгъæй мард». — «Червь подышал от брезгливости», — в этих изречениях олицетворяется являющийся источником отвращения червь, через конкретный образ которого передается отвлеченное понятие брезгливости и отвращения.

Олицетворяет пословица природный ландшафт и явления природы: «Зæхх йæ уæлæ хæс нæ уадзы». — «Земля за собой долга не оставляет»; «Цъити арвы хæрæ-

фырт у». — «Глетчер — племянник неба»; «Хур дæр ма стъалытæм зынгагур бауад». — «Даже само солнце и то пошло к звездам огня просить». Олицетворяются в пословицах и поговорках, в отличие от загадок, психические свойства человека, абстрактные понятия: «Хæлæг æмæ чъынды æфсымæртæ сты» — «Зависть и жадность — братья»; «Уарзондзинад атахт æмæ фаджысы сæрыл абадт». — «Любовь улетела и села на навоз».

Самый частый объект олицетворения в проклятиях — различные болезни: «Емынæ дæ бахæра!» — «Чтоб тебя съела чума!»; «Емынæ дæ ныццавæд!» — «Чтоб тебя ударила чума!»; «Фыдрыл дæ фæхæссæд!» — «Чтоб тебя унесла страшная болезнь». Все эти проклятия, олицетворяющие различные болезни, — пожелания смерти; со временем в них, как и других проклятиях сакрального происхождения, поэтическая образность получила самодовлеющее значение. В благопожеланиях человеческие качества приписываются абстрактным понятиям: добру, благу, благосостоянию, изобилию: «Фарн дæм бадзурæд!» — «Фарн (счастье, изобилие) пусть окликнет тебя!»

Сравнение — один из излюбленных приемов создания образности народных афоризмов. Простейшая форма сравнения, предполагающая наличие «подсобных» [13, 280] вспомогательных слов, представлена в осетинской афористике пословицами. Идея сравнения в них выражена посредством связывающих слов æмхуызон, гæсгæ, хъаджыдæр нæй, хуызæн, афтæ ('как', 'словно', 'подобно', 'все равно', 'что', 'похоже'): «Ракондæй разæгъдæй хъаджыдæр нæй». — «Что сказать, что сделать — разницы нет»; «Сæгъ æмæ бирæгъæй хъаджыдæр не сты». — «Они ничем не отличаются от козы и волка»; «Мыдыкъусы хуызæн хæдзар» — «Дом как чаша, полная меда и масла».

В особую группу сравнений анализируемого типа выделяются изречения, в

которых идею уподобления несет наречие *уыйау* ('как', 'подобно этому', 'так'), располагающееся всегда в самом конце пословичной фразы: «*Камæйдæр кæрдзыны ном куыд фæрох, уыйау*». — «Название хлеба забывшему человеку подобно». В такого рода пословичных сравнениях часты имена собственные: «*Дзатти калакдзауты фæдыл куыд цыд, уыйау*». — «Тому, как Дзатти шел за идущими в Калак, подобно».

Сравнение передается также различными нестандартизированными оборотами, выражающими идею сравнения: «*Емынагъы ад мын кæныс*». — «Чумы вкус от тебя (твоего присутствия) ощущаю»; «*Сывæллонмæ дæ дæндагтæ зыхъхъырæй куы дарай, уæд сæ цыхт хоны*». — «Если ребенку все время показывать зубы (если улыбаться), то он принимает их за сыр».

В пословицах формы полных сравнений, в которых присутствуют все три элемента: объект сравнения, образ сравнения и признак сходства, — встречаются как редкие исключения; структура пословичного сравнения как правило бинарна. Часты сравнения сокращенные [14, 87], усеченные [9, 40], неполные [13, 281], что объясняется афористическим характером анализируемого материала: стремлением к лаконичности, немногословности.

Формы сокращенных сравнений различны. Часто встречаются афоризмы, в которых сравнение выражается морфологически — посредством постановки существительного (образа сравнения) в уподобительный падеж: «*Адагъимаджы цард уалдзыгон дидинагау у*». — «Человеческая жизнь весеннему цветку подобна». Присущая афоризмам тенденция к лаконизму передает идею сравнения без вспомогательных слов посредством лишь суффикса уподобительного падежа — *ау*: «*Куы хæцай, уæд Нартау хурныгуылдмæ*». — «Если сражаться, то как Нарты: до самого заката солнца».

Такая форма сравнения используется

и в загадках: («*Сау у халонау, хæцын зоны куыдзау*». (*Æхсынкъ*). — «Черна как ворон, кусать умеет как собака». (Блоха); в благопожеланиях («*Хъæздыг дыл ичъийау ныххæцад!*» — «Богатство к тебе как репейник пусть пристанет!»); в проклятиях («*Ичъынайы калмау уæлауыл баззай!*» — «Как змея Ичъына вечно на этом свете пребывай!»).

Благопожелания невесте в свадебных тостах-молениях также оформлены посредством суффикса уподобительного падежа: «*...сынтау базырджын, фысау къæбутджын, каркау бæдудджын!*» — «...как ворон крылатая, как овца, затылок имеющая (выносливая), как курица, много цыплят имеющая (будь!»)

Встречаются пословицы, в которых эффект сравнения достигнут через постановку образа сравнения в форму родительного падежа. Как и в случае с уподобительным падежом, в такого рода сравнительных конструкциях надобность в использовании вспомогательных средств отпадает: «*Куыдзы хъуыды дæр æй ничи кæны*» — «Как на собаку, на него никто не обращает внимания».

Во многих пословицах и поговорках сравнение выражено посредством сравнительной степени прилагательного: «*Æгады бæсты мæлæт хуыздæр*». — «Лучше смерть, чем позор»; «*Иунагæй магуырдаер хъæды халон дæр нæй*». — «Беднее, чем одинокий (человек), в лесу даже вороны нет»; «*Топны цафæй æвзаджы цаф зындæр дзæбæхгæнаен у*». — «Легче залечить рану от пули, чем рану от слова». Очень часто именно посредством сравнения пословица раскрывает противоречивую сущность предметов и явлений: «*Æхсынцъы дидинаг æфтауы раздæр, фæлæ йæ ад та хъылмайæ мастдæр*». — «Алыча цветет раньше (других плодовых деревьев), но вкус ее горше, чем отравы»; «*Ныхас уадæй тагъддæр у, топтæй — тыхджындæр*». — «Слово быстрее ветра, сильнее ружья».

К такой форме сравнения прибегает иногда и загадка: «*Хъыбылаей ныллагдæр, лагаей бæрзонддæр*». (Худ). — «Ниже поросенка, выше человека». (Шапка). Подобные сравнения помогают создать в загадке противоречивый образ-парадокс: «*Æнгузæй чысылдæр, лагаей тыхджын-дæр*». (Нæмыг). — «Меньше грецкого ореха, сильнее человека». (Пуля); «*Дураей уæззаудæр, бæхæй рауæгдæр*». (Топпы нæмыг). — «Камня тяжелее, коня быстрее». (Ружейная пуля). Описанная выше характерная черта загадки, заключающаяся в наличии константных образов для разных предметов загадывания, прослеживается и на уровне сравнений. Так, загадка с конем сравнивает не только пулю, но и глаза: «*Дугъон бæхæй тагъддæр*». (Цæстытæ). — «Быстрее, чем скакун». (Глаза).

Среди пословичных сравнений встречается группа таких, в которых один предмет полностью уподобляется другому; при этом признаки уподобления подразумеваются, но не называются: «*Зондджын ныхас фат у, йæ фехсын та-’рдын*». — «Умное слово является стрелой, а умение сказать его — лук».

Аналогичные сравнения в загадках предстают как бы впервые увиденными, приобретающими необычные, странные характеристики за счет сравнительных ассоциаций [13, 188]: «*Йæ сæр — хырх, йæ дымаг — æхсырф*». (Уасæг). — «Голова — пила, хвост — серп». (Петух). Необычным и странным загадываемый предмет может стать и посредством использования латентного отрицательного сравнения: «*Дзыккутæ йыл уыди æмæ чызг нæ уыд, тымбыл уыди æмæ айк нæ уыд, къæдзил ын уыди æмæ мыст нæ уыд*». (Булкъ). — «С волосами, но не девочка, круглое, но не яйцо, с хвостом, но не мышка» (Редька); «*Зынг нæу, афтæмæй судзы*». (Пысыра). — «Не огонь, но жжет» (Крапива); «*Лæг нæу, афтæмæй дзуры, белас нæу, афтæмæй йыл сыфтæ ис,*

хæдон нæу, афтæмæй хуыд у». (Чиныг). — «Не человек, а говорит, не дерево, а с листьями, не рубашка, а шита». (Книга).

Оттенок сравнения присутствует и в пословицах, синтаксически определенным образом организованных: это простые предложения с обязательным присутствием частицы *дæр* — ‘и то’, ‘да;е’. Как правило, в таких пословицах в качестве предмета сравнения подразумевается человек, а образами сравнений являются; и-вотные: «*Рынчын хъæды саг дæр кæны*». — «Олень в лесу и то заболевает»; «*Сабыр ныхасмæ калм дæр хъусы*». — «К тихому слову змея и то прислушивается»; «*Стæг домбайы хъуыры дæр бады*». — «Даже у льва (и то) кость в горле застревает»; «*Зæрватыкк дæр ма йæхицæн хæдзар кæнын зоны*». — «Ласточка и то умеет строить себе дом»; «*Мыст дæр ма зымæгмæ æвæраентæ кæны*». — «Мышь и то к зиме припасы готовит». Подобные сравнения как бы апеллируют к самым крайним категориям сравнительного ряда: «*Иу радыд Уастырджи дæр бары*». — «Одну ошибку даже Уастырджи прощает» (в данном контексте Уастырджи — самое высшее воплощение неукоснительной справедливости).

Некоторые афористические сравнения с течением времени начинают восприниматься как языковые идиомы [11, 217]. Как правило, это те поговорочные сравнения, в которых присутствует имя собственное: «*Битъыры хъазау йæхи ауагъта*». — «Разлегся, как гусь Битъыра»; «*Раст Санаты Сем!*» — «Прямо (как) Шем Шанаев!» Именно по поводу таких выражений известный английский этнолог Э.Б. Тэйлор писал, что они представляют особый интерес «...как случаи переживания. Даже тогда, когда действительное значение этих выражений исчезло из памяти людей, и они потеряли всякий смысл или затемнены каким-нибудь позднейшим поверхностным значением, — даже и тогда старинные изречения вы-

игрывают свою таинственностью, чем теряют относительно смысла» [15, 75].

Подавляющее большинство афористических сравнительных образов взяты из окружающей среды и быта народа-творца; анализ частотности их употребления дает возможность отчетливо проследить за тем, какие образы предпочитают каждому из малых фольклорных жанров, какие для каждого из них специфические, какие общие. Основные образы сравнений афористики — образы предметные, среди которых наиболее часты сравнения с домашними и дикими животными:

Ворон. «Халонау йае уаены каасы». — «Подобно ворону смотрит через плечо»; «Сау у халонау, хаэцын зоны куыдзау». (Ахсынкъ). — «Черна как ворон, а кусать умеет как собака». (Блоха).

Конь. «Хиваэнд лаг оцани баэхай фыддэр у». — «Упрямый человек хуже норвистой лошади»; «Дугъон баэхай тагъддэр». (Цастытæ). — «Быстрее скакуна». (Глаза).

Собака. «Куыдзы хъуыды дэр ай ничи каены». — «Подобно собаке на него никто не обращает внимания»; «Сау у халонау, хаэцын зоны куыдзау». (Ахсынкъ). — «Черна как ворон, кусается как собака». (Блоха).

Курица. «Анархъуыды лаг магуыр у: каркау ыл дыуае къахы ис». — «Несообразительный человек беден: как у курицы две ноги у него».

Волк. «Бирагъау куы афсаест, куы аххормаг» — «Подобно волку то сыт, то голоден».

Еж. «Узыныны цыд факодта». — «Подобно ежу хаживал».

Коза. «Сагъ амае бирагъай хъаджыдэр не сты». — «Они подобны козе и волку».

Кошка. «Гадыйау авд удон у: над амае цаэфай нае маелы». — «У него семь душ как у кошки: от ударов и побоев не умирает».

Куропатка. «Кæд ма хуыргаркау хæрд-мæ стæхон». — «Разве что остается мне только как куропатке взлететь вверх».

Ласточка. «Зæрватыкк дэр ма йахицагн хæдзар канын зоны». — «Ласточка и то себе дом строить умеет».

Лев. «Стæг домбайы хъуыры дэр фабады». — «Кость даже у льва в горле застреивает».

В приведенных примерах образы сравнений пословиц и поговорок взяты из мира животных. Те же самые предметные образы в загадках используются как образы одухотворения. Исключительно в пословицах и поговорках встречаются сравнения, основанные на образах из мира растений, явлений природы, стихий, в то время как в загадках аналогичные образы предполагают метафорическое осмысление загадываемых предметов; и только в пословицах мы встречаем сравнения с абстрактными понятиями, моральными, этическими представлениями: «Хорз хæдзарай хорз ном фылдэр лаууы». — «Хорошее имя долговечнее хорошего дома»; «Æгады ба-сты маелат хуыздэр». — «Лучше смерть, чем позор»; «Адаймагæн йае сæрæй йае афсарм стырдар у». — «Афсарм (мораль, освященные обычаями нормы поведения, которые связаны с соблюдением благопристойности и чистоты в отношениях между людьми) выше, чем голова человека».

Таким образом, олицетворение и сравнение как средства художественного выражения формируют поэтико-семантическую структуру малых фольклорных форм. Олицетворение особенно предпочтительно в образной системе загадки, которая, оживляя предметный мир, старается максимально его приблизить к человеку. Особенностью загадки является и одухотворение, когда предметам приписываются свойства живых существ. Пословица олицетворяет не только предметы домашнего обихода, орудия труда,

природу и природные явления, но и, в отличие от загадки, психические и физические свойства человека, отвлеченные, абстрактные понятия. Особенностью олицетворения в пословичном жанре является и его сопряженность с аллегорией; такие образы, приобретая аллегорический характер, расширяют свои масштабы: в привычные предметы вкладываются широкие наблюдения, которые становятся формой выражения понимания человеком морально-нравственных ценностей и философских обобщений. Абстрактные понятия «добро», «благо», «изобилие», олицетворяются благопожеланиями. В проклятиях самый частый объект олицетворения — различные болезни.

Что касается сравнения, то для афористических текстов характерно предпочтение форм сокращенного сравнения. Такая избирательность объясняется паремическим характером анализируемого

материала, стремлением к лаконичности, краткости. Для передачи идеи сравнения такие виды афористики, как пословицы и загадки (в благопожеланиях и клятвенных формулах этот прием встречается редко), широко пользуются богатыми возможностями выражения осетинского языка; образы сравнений берутся из окружающей действительности, домашнего быта. Подавляющее их большинство — образы предметные. Рассмотрение образов сравнений народной афористики отчетливо показывает богатый и разносторонний круг образов пословичных сравнений и небольшой перечень образов сравнений в загадках. Этот факт находит свое объяснение при сопоставлении образов сравнений в пословицах с образами одухотворения в загадках: идентичные образы с переходом из одного жанра в другой, сохраняя эквивалентность смысла, меняют художественный способ его выражения.

-
1. Алиева А. И., Астафьева Л. А., Гацак В. М., Кирдан Б. П., Пухов И. В. Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 69-108.
 2. Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М., 1986.
 3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1940.
 4. Тменова Дз. Г. Осетинские пословицы, поговорки, загадки. Владикавказ, 2005.
 5. Хубецова З. Р. Осетинские клятвенные формулы // Вопросы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1977. Т. 32. С. 76-84.
 6. Еремина В. И. К вопросу о жанровой дифференциации народной символики // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка, литературы. 1968. Вып. 1. № 2. С. 83-93.
 7. Цаллагова И. Н. Лингвистические особенности осетинской загадки: Дисс.... канд. филол. наук. Владикавказ, 2010.
 8. Цаллагова З. Б. Афористические жанры осетинского фольклора: Дисс.... канд. филол. наук. М., 1980.
 9. Невлева С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М., 1979.
 10. Абрамович Г. А. Введение в литературоведение. М., 1975.
 11. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.
 12. Лавонен Н. Карельская народная загадка. Л., 1977.

13. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.
14. Левин Ю. И. Монтажные приемы поэтической речи // Программа и тезисы докладов по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1964. С. 77-91.
15. Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1989.

Tsallagova, Zarifa B. — N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; sozieva@mail.ru

POETICS OF MINIMALISM: IMPERSONATION AND COMPARISON IN THE ARTISTIC SYSTEM OF THE OSSETIAN FOLK APHORISM.

Keywords: *aphorism, proverb, oath, mystery, benevolence, curse, personification, comparison.*

The poetic-semantic structure of the various genres of the Ossetian folk aphoristics form poetic tropes, among which, alongside with metaphor and epithet, impersonation and simile occupy a special place. The above-mentioned means of creating figurativeness bear not only ornamental, decorative, but also structuring, semantic functions: such ambivalence of the poetic tropes is predetermined by the uniqueness of the poetic nature of folk aphorisms, artistic aesthetics of minimal folk forms intended to enclose depth in a laconically formulated phrase. Comparative analysis of impersonation and simile in various types of Ossetian folk aphoristics reveals that these poetic figures fully fit the whole composition of aphoristic utterance containing edifying instructions and warnings, a description of various social and natural phenomena, as well as the qualities and characteristics of objects, people, animals. The idiomatics of such utterances, which determines the difficulty of their perception by people of a foreign ethnic culture and translation into other languages, is based on the semantic keys and symbolic images of the Ossetian cultural tradition. The latter are a kind of cultural code that allows people of this ethnic group to «unlock» the entrance to the matrix of traditional heritage. And a special linguistic-cultural study of this folklore stratum, together with consideration of foreign aphoristic analogies, provides not only an idea of the nature of nationally specific aphoristic images, but a methodological possibility to comprehend the deep meanings of the Ossetian language and culture by representatives of other languages and cultures.

REFERENCES

1. Alieva, A. I., Astafyeva, L. A., Gatsak, V. M., Kirdan, B. P., Pukhov, I. V. *Opyt sistemno-analiticheskogo issledovaniya istoricheskoy poetiki narodnykh pesen* [The experience of systematic analysis of the historical poetics of folk songs]. *Fol'klor. Poeticheskaya sistema*. [Folklore. Poetic system]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 69-108.
2. Alieva, A. I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adygsikh narodov* [Poetics and style of fairy tales of the Adyghe peoples]. Moscow, Nauka, 1986. 279 p.
3. Veselovsky, A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1940. 648 p.
4. Tmenova, Dz. G. *Osetinskie poslovitsy, pogovorki, zagadki* [Ossetian proverbs, sayings, riddles]. Vladikavkaz, IPP imeni Gassieva, 2005. 104 p.
5. Khubetsova, Z. R. *Osetinskie klyatvennye formuly* [Ossetian oath formulas]. *Voprosy osetinskogo yazykoznaneya* [Questions of Ossetian linguistics]/Ordzhonikidze, Ir, 1977, vol. 32, pp. 76-84.
6. Eremina, V. I. *K voprosu o zhanrovoy differentsiatsii narodnoy simboliki* [On the issue of genre differentiation of folk's symbols]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istorii, yazyka, literatury* [Bulletin of Leningrad State University. A series of history, language, literature], 1968, iss. 1, no. 2, pp. 83-93.

7. Tsallagova, I. N. *Lingvisticheskie osobennosti osetinskoj zagadki* [Linguistic features of the Ossetian riddle]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Vladikavkaz, 2010. 171 p.
8. Tsallagova, Z. B. *Aforisticheskie zhanry osetinskogo fol'klora* [Aphoristic genres of Ossetian folklore]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Moscow, 1980. 178 p.
9. Nevleva, S. L. *Voprosy poetiki drevneindiyskogo eposa. Epitet i sravnenie* [Questions of poetics of the ancient Indian epic. Epithet and comparison]. Moscow, Nauka, 1979. 136 p.
10. Abramovich, G. A. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. Moscow, Prosveshchenie, 1975. 352 p.
11. Tomashevsky, B. V. *Stilistika i stikhoslozhenie* [Stylistics and versification]. Leningrad, Uchpedgiz, 1959. 525 p.
12. Lavonen, N. *Karel'skaya narodnaya zagadka* [The Karelian folk riddle]. Leningrad, Nauka, 1977. 138 p.
13. Kvyatkovsky, A. *Poeticheskiy slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 375 p.
14. Levin, Yu. I. *Montazhnye priemy poeticheskoy rechi* [The montage means of the poetic speech]. *Programma i tezisy dokladov po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Program and abstracts of reports on secondary modeling systems]. Tartu, 1964, pp. 77-91.
15. Taylor, E. *Pervobytnaya kultura* [Primitive Culture]. Moscow, Politizdat, 1989. 573 p.